

STALKER

Тим Волков
Алексей Сидоров

[БУФЕРНАЯ ЗОНА]
ОБИТЕЛЬ МРАКА

Апокалипсис-СТ

Алексей Сидоров

Буферная Зона. Обитель Мрака

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сидоров А. В.

Буферная Зона. Обитель Мрака / А. В. Сидоров — «Издательство АСТ», 2019 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-121523-1

Чернобыльская Зона всегда манила смельчаков и аферистов, желающих быстро разбогатеть на хабаре. Но теперь все изменилось, и уже не сталкеры стремятся туда за добычей, а сама Зона, словно проголодавшись после долгого сна, вышла за привычные границы и начала «пожирать» новые территории. Близлежащий город в один миг превратился в Буферную Зону – жуткое пограничье, где царят анархия и беззаконие. Кто-то успел спастись бегством, кто-то оказался в ловушке, а кто-то воспринял происходящее как знамение – знак к началу действий. Сворачиваются дикие ритуалы, горят костры, льется кровь во славу сил зла. В самом сердце аномальной территории пробуждается нечто темное и могущественное, способное уничтожить человечество. Как далеко пойдет обычный житель города Максим, чтобы помешать наступлению дьявольской орды, а заодно вернуть дочь, украденную служителями страшного культа? И главное – сможет ли он, однажды вступив на путь крови, в итоге остаться человеком?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121523-1

© Сидоров А. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тим Волков, Алексей Сидоров

Буферная Зона. Обитель Мрака

© Волков Т., Сидоров А., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Stalker» основана в 2013 году

* * *

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

* * *

*Хотел бы верить в Бога, хотел бы верить в ад,
Но люди жгут друг друга,
в кострах живьем горят...
Танцует черт на трупах, сбивая черепа,
В глазницах тлеет Вечность —
Бездна смотрит на тебя!¹*

¹ «Бездна», песня из альбома «Ад уже здесь!» рок-группы HMR, автор текста – Алексей Сидоров.

Пролог Звери

– Папочка, они опять ревут! – испуганно прошептала Лера.

– Ложись спать! Я подежурю, – попытался успокоить дочку, хотя понимал, что это бессмысленно: если мутанты прорвут оборону, то за минуту окажутся здесь. На нашей улице. В нашей квартире. Квартире, которую все эти годы я наивно считал крепостью.

– Я не могу спать, папа. Они очень громко ревут. Почему они это делают?

– Они хотят, чтобы мы их боялись. – Я подошел к дочке, которая выглядывала в окно.

Полночь – пик активности тварей, в двенадцать или около того они почти всегда и атаковали. Поневоле начнешь верить в байки про потусторонние силы.

– Папочка, мне страшно! – прижалась ко мне Лера.

Обнял ее. Шестилетка, а уже столько повидала. Не по возрасту. Про себя уж молчу, все-таки три десятка с гаком лет жизни – достаточно много для такого безумного мира, как этот.

– Они на то и рассчитывают – что мы испугаемся и сдадимся. Хочешь, я тебе закрою ушки и ты поспишь?

– Нет, папа, я не смогу-у. А что, если они и правда прорвутся сегодня?

Даже не хотелось думать, что будет в этом случае. Сразу же вспоминались останки жены на мостовой. Боже, она ведь уже возвращалась домой, и как раз в это время случился прорыв на юго-восточной окраине города. Так мне сказали...

Ополченцы не заметили вовремя двух тварей. Крупные, матерые альфа-собаки, мутанты под два метра в холке. Трудно представить, что они когда-то были обычными псами. Дворняжками, на которых катались, как на конях, соседские мальчишки.

Сначала монстры выпотрошили блокпост, а потом съели Аню.

Просто растерзали ее, разбросав поперек улицы кишки – на свежем снегу они были особенно заметны. Я еще тогда подумал, откуда в человеке столько этих самых кишок, как они туда вообще влезают?! Да, в школе на уроках биологии говорили – метров двадцать, но когда увидел воочию, то подумал, что это какая-то злая шутка и кто-то захотел натянуть странного вида веревку, похожую на кровавую связку сосисок, через дорогу.

Глупая мысль, учитывая ситуацию.

Ополченец потом объяснял мне, что собаки тянули ее – мне не хотелось при этом говорить «жену», поэтому предпочитал обезличенное «ее» – в разные стороны, когда подоспел патруль. Собаки-мутанты пытались унести жертву каждая в свой угол, и только это и помогло быстро их ликвидировать – монстры фактически подставили друг друга под пули.

Будто меня это должно было утешить.

Я не мог понять, как это произошло. А еще в голове вертелась мысль: я должен все это собрать. Обязан вернуть все на место. Начал лихорадочно сгребать внутренности, пытаюсь отнести их к телу, которое лежало, словно кукла, потерянная невнимательным ребенком, но они скользили в руке, вываливаясь обратно на свежий снег.

И я ничего с этим не мог поделать. Абсолютно!

Моя Аня... Боже! А ведь Лерочка до сих пор не знает. Для нее мы все еще «ждем маму», которая уехала к бабушке. Дочка надеется, бедная, что мамочка вернется, хотя уже прошла пара недель. Но я решил ей ничего не говорить, чтобы не травмировать детскую психику, – хватает того, что наш город и так стоит на пороге ада.

«Хотя... – Я посмотрел в окно. – Уже не на пороге. Уже – в нем!»

– А они маму не тронут? – спросила Лера, еще раз осторожно выглянув в окно. Я подвинул горшок с цветком, название которого до сих пор не знал, но который так любили мои

девочки, и показал дочке на пулеметные точки, стоявшие поперек улицы примерно в квартале от нашего дома. Собственно, это и была нынешняя линия фронта.

За ней – Зона.

– Нет, конечно. Мама вернется – ты же сама сказала, что мы отсюда никуда не уйдем, пока она не придет. Так вот, она обязательно вернется. Все немножко устаканится, и она вернется. Обязательно! – Я уже не помнил, когда научился врать настолько убедительно. Чего не сделаешь для того, чтобы ребенок оставался в некоем безопасном подобии мира, даже когда от самого мира уже не осталось и следа. Сплошная иллюзия. Выдумка.

Пулеметы снова затарахтели. Даже отсюда, а мы жили на пятом этаже хрущевки, было видно, как во вспышках очередей мелькают перекошенные от злобы морды тварей. Если бы не было пулеметов или – не дай бог! – вдруг закончились патроны, то они бы через пару минут были здесь. Разорвали бы в клочья пулеметный расчет, раскидали в стороны колючую проволоку и мешки с песком. Кстати, до сих пор не понимал предназначение последних – от мутантов они все равно не спасают, но устройство блокпоста оставалось неизменным что для военных операций, что для борьбы с монстрами.

– Мамочка обязательно вернется, – соврал я и отвернулся в сторону, сделав вид, что в глаз попала соринка. Ни к чему сейчас слезы. Если я тут буду реветь, то кто поможет моей дочке?

– Правда? – Не знаю, как она вообще мне верила. А верила ли? Может, обо всем догадалась, но не подавала вида?

Лера могла.

Она была не по годам умной девочкой, хоть и верила до сих пор в Деда Мороза. В этом году она заказала ему, чтобы Зона остановила наступление на город. Так и написала в письме: «Хачу чтобы она остановилась. Пожалуйста!» Мне даже не надо было уточнять, что именно дочка имела под словом «она». Это было очевидно – из приграничной зоны Периметра город быстро оказался по другую его сторону. Чуть дальше, в пяти километрах от Темногорска, военные спешно возводили стены нового Периметра, боясь не успеть до нового прорыва.

Так мой родной город стал частью Буферной Зоны – диких земель, которые еще не стали Зоной, но уже не были Большой землей.

«На пороге ада» – так писали про «осаду» Темногорска газеты с Большой земли. Я как-то читал одну такую. Она сообщала о том, что военные бегут, уходят с места прорыва Старого Периметра, который давно уж и не «старый» вовсе, потому что переносился два или даже три – не помню – раза, и возводят укрепления на несколько километров восточнее старой границы Зоны отчуждения Чернобыльской атомной электростанции. Выделено на это столько-то миллионов рублей, из них украдена уже половина. Отлично! Теперь не факт, что вообще построят заборчик – типичная ситуация для страны, которая давно уже напоминала одну большую Зону, пытающуюся изображать из себя цивилизованное государство.

Но тем, кто остался, по сути, было уже все равно.

Да, надо было уходить из города, бежать, пока была возможность. Но последнее «окно» для перехода на другую сторону Периметра закрылось еще несколько дней назад, как раз тогда, когда я отошел от беспробудного горя. При этом мне не требовался алкоголь – я и без него находился в глубокой прострации и постоянно врал дочке.

Когда же стало известно, что «окно» закрылось и больше никого не пускают, до меня наконец-то дошло: мы действительно встряли. Линия фронта за последние две недели продвинулась сразу на несколько кварталов вглубь Темногорска и с каждым днем сдвигалась все ближе к нашему дому.

Теперь мы могли видеть ее прямо из окна.

– Папа, ты ляжешь рядом со мной? – спросила Лерочка.

Внимательный взгляд карих с зеленоватым блеском глаз. Как у мамы. Я еще шутил, что она похожа на ведьмочку. «Но обещаю любить тебя, даже если ты будешь прилетать ко мне на метле», – говорил я Ане.

Через три года она умерла. И ведьмины глаза ей не помогли.

Но я должен был продолжать создавать видимость безопасности в одной отдельно взятой квартире, поэтому взял девочку за руку:

– Да, моя родная. Конечно. Я никуда от тебя не денусь. Я смогу тебя защитить. Смогу!

Я еще не знал, что опять соврал, – в дверь постучали.

– Папа, кто это? – испугалась Лера.

Поглядел по сторонам. Вопреки здравому смыслу за все то время, что Зона подходила к нашему дому, я так и не обзавелся оружием. Даже захудалым ружьишкой. Единственное, чем я мог противостоять наступающему злу, – разум. Да, вы будете смеяться, но так уж я воспитан. Мать всегда говорила, что лучший способ победить в драке – не участвовать в ней. Не лезть в пекло, обходить стороной идиотов, а на темных улицах огибать за пару кварталов шумные, пьяные компании. Этот принцип хорошо работал в мире, когда он еще не съехал с катушек окончательно и бесповоротно.

Но после того, как все рухнуло, я оказался не способен к выживанию.

И самое главное – не мог защитить тех, кто мне дорог.

– Кто это? – спросила Лерочка еще раз.

«Не знаю», – понял я, но вслух сказал другое:

– Наверное, патруль, ополчение... Просто проверят, что комендантский час выполняется, и уйдут, понимаешь? Сейчас время атаки, поэтому перестраховываются, – снова соврал я.

В такое время все ополченцы были на баррикадах – людей не хватало, и лишних на патрули просто не оставалось.

После того, как полиция была распущена, только представители самообороны и оставались той силой, которая сдерживала город от наступающей заразы. Я тоже должен был стать частью ополчения, но не успел – после гибели жены от меня на время отстали. Даже не заикались о том, чтобы войти в патруль. Жалели, видимо.

Но я ошибся, опасаясь мутантов. На самом деле мне следовало бояться тех, кто ходит на двух ногах.

Тех, кто прямо сейчас стоял за дверью.

* * *

Лера ушла в спальню, забралась под кровать. Дочка всегда так делала, когда боялась. Нападали ли мутанты или просто за окном бушевала гроза – она всегда туда залезала. Плакала. Тогда я приходил к ней и успокаивал: «Все в порядке, малыш! Это просто Зевс на небе ссорится с женой». Она умолкала, отвечая: «Хорошо, что вы с мамой не ссоритесь». – «Ссоримся, конечно, но не так, чтобы мир в труху», – улыбался я и вытаскивал ребенка из-под кровати. Но засыпала после этого она все равно только в обнимку, а после того как мама однажды не вернулась, так и вовсе каждый вечер только вместе.

– Открывай! – проревел голос за дверью.

– Кто там? – по пути я взял трубу от пылесоса, единственное доступное на данный момент оружие. Я не был уверен, что труба выдержит даже простой удар по голове, скорее сомнется. Но была надежда, что старые советские пылесосы все-таки делали из железа, а не из китайского «чугуния».

– Открывай! – повторил голос, даже не удосужившись ответить.

– Кто там? – вновь спросил я.

– Мы... – ответил голос.

За ним – приглушенное ржание. Говоривший точно был не один.

– Вроде все должны быть на баррикадах сейчас... из ваших, разве нет? Это же ополчение, да?!

– Да, все на баррикадах... – Голос сконфуженно кашлянул, продолжив: – Но нас послали проверить. На всякий случай. Вдруг мутанты проникли в город или еще что. Из вашей квартиры лучшая точка для обзора.

В этом он был прав – с нашего балкона действительно открывался отличный вид на то, что раньше было детской площадкой, старым парком, и – буквально в пятидесяти метрах – на так называемую линию фронта.

– Хорошо, – ответил я.

На всякий случай трубу возвращать на место не стал, убрал за спину. Повесил цепочку, щелкнул замком.

– У меня дочка спит... – начал было я, впуская неразумных ополченцев. Но это были не они...

Незнакомец рванул дверь – и разорвал цепочку. Боже, я даже видел звенья разъединяющейся цепи, которые разлетелись в сторону со скоростью слоу-мо эффекта в голливудском блокбастере. При желании я мог бы их разглядеть во всех деталях, но процесс бездумного созерцания было жестоко подавлен ударом железной двери, который пришелся аккурат в нос.

Хрустнуло. Кровь брызнула в стороны, в том числе и в лицо бородачу с повязкой на глазу, который вломился в квартиру.

– Твою мать! Ты ж меня забрызгал! – и он ударил меня палкой. Точнее – крестом, будто выданным из могилы.

– Кхр-р! – захрипел я.

Попытался подняться, но не смог – следующий удар креста пришелся аккурат между лопаток. Упал на пол, приложившись подбородком о дверной порог.

Лерочка, боже мой! Надеюсь, она спряталась! Надеюсь, она поняла все, потому что... мысль продолжить не смог, потому что тяжелый сапог опустился на кисть, сжимавшую теперь уже точно бесполезный отросток трубы. Пальцы хрустнули, я застонал.

– Ты смотри-ка, как он встречает служителей Мрака! Хотел на нас напасть, пришлось утихомирить негодяя, так ведь, братья? – Бородач, видимо, обращался к тем, кто пришел вместе с ним.

– Да-а. Хотел напасть. Хотел защитить ведьму, – ответил ему молодой голос, обладателя которого я не видел.

– Какую... кхр... какую ведьму?

– Ее, – ответил бородач и сильнее нажал сапогом на пальцы. Я понимал, что, скорее всего, в ближайшее время не смогу двигать правой рукой. Даже если это будет попытка потрепать дочурку по голове – пальцы не сработают, там все ломано-переломано.

– Где она? – рявкнул бородач, потом, видимо, обратился к одному из спутников: – Серый, слетай, глянь, где этот говнюк ее прячет?

– Нет! – я уже понял, что им нужна Лера. Если этот тип, Серый, ее найдет, то что дальше?! Явно ничего хорошего!

Про служителей Мрака ходили разные слухи. Культ, иначе и не назвать, сформировался удивительно быстро на базе приходской общины храма Святой Троицы, обычной с виду церкви. Говорили, дескать, бывший митрополит, глава местной епархии Марк Баюнов, совсем слетел с катушек и проповедует среди людей, что нужно повиноваться Зоне. Открыть ей вход в город. Помочь в распространении.

Люди уже начали про себя называть преподобного Мраком, но это было еще до того, как все завертелось. Бабки жаловались, что «клятый Антихрист» задрал цены на церковную утварь, а свечки стало намного дешевле купить оптом в соседней области. Отпевание, дескать,

стало такой же роскошью, как покупка автомобиля. Но потом и вовсе случилось что-то ужасное... Дальше версии разнились, большая часть из них походила на байки. Причем – из склепа. Говорили и про то, что там все «зомбированные» и что «едят людей».

Но храм был на другом конце города, поэтому до меня долетали только слухи. Куски информации, которые никак не складывались воедино.

Все это тогда казалось несущественным на фоне угрозы со стороны Зоны.

– Серый! Ну что там? – прохрипел бородач, продолжая раскатывать подошвой мои пальцы и вгонять крест еще глубже посреди лопаток.

– Она здесь, я ее нашел, – ответил голос из другой комнаты. После него раздался визг, который я узнал бы из тысячи.

– Вот ты где, ма-а-аленькая дрянь! Попалась! Может, поиграем в палача и жертву? – раздалось из другой комнаты.

– Нет! – вообще-то я хотел закричать, но из горла вырвался лишь хрип вперемешку с кашлем и сгустки крови, оросившие прихожую. – Не... трогайте ее!

– А то что? – Бородач продолжал развлекаться с крестом. Я уже чувствовал его среди лопаток или... уже ребер?! Я даже не мог посмотреть на себя со стороны, хотя бы в зеркало, чтобы оценить степень нанесенных повреждений.

Да и не интересовало меня собственное состояние сейчас. Лера – вот что действительно важно!

– Поиграем. Тебя связать, или подвесить, или лучше все сразу... И попытать иглами, где-то был набор, – раздался приглушенный голос из другой комнаты.

– Нет, пожалуйста! – взмолился я.

Было понятно: если главарь не остановит Серого, тот покалечит мою дочь. И я с этим ничего не смогу поделать.

Но бородач не дал.

– И не потому, что ты просишь... на тебя мне плевать, – прошептал бородач. – Эй, Серый, Марк сказал, что ее нужно доставить живой и невредимой. Невредимой, заметь! – сказал бородач.

– Ну вот... Весь кайф обломал, Боров... – недовольно ворчал Серый.

Я слышал, как он тащит дочку. Та упиралась и, наверное, царапалась, поэтому слышались удары.

– Не бейте ее... не-е... – стонал я, но уже слышал звуки новых ударов, которые могли бы свалить с ног даже здорового мужика.

Твари! Скоты!

– Папочка! – закричала Лера где-то над моей головой.

Новый удар – девочка застонала.

– Нет! – прохрипел я.

– Скажи спасибо, что не дал Серому пустить в ход весь его арсенал инструментов, но это только потому, что она о-очень нужна Марку. Эта ведьма. Иначе мы бы, пожалуй, свернули ее тонкую шейку. А пока живи с этим, но недолго, урод с пылесосной трубой, – хрипло засмеялся бородач и еще глубже воткнул крест между лопаток, потом резко дернул обратно. Мне показалось, что мое тело приподнялось на несколько сантиметров, потом рухнуло обратно на забрызганный кровью ламинат.

– И еще... – голос бородача приблизился к уху. Лера стонала уже где-то в коридоре. – Если вдруг выживешь и попробуешь сунуться в храм, то помни об этом кресте. Он будет в твоей заднице, а потом выйдет из горла. Если только попробуешь нас искать, ты понял? Не слы-ышу!

Я что-то кричал, но изо рта доносился только сдавленный хрип. Вперемешку со сгустками кровавой слизи.

– Фу-у, да ты и так сдохнешь... Ишь как порвался! – презрительно сказал Боров. – Но для контроля не помешает еще добавить!

И прихвостни Мрака начали избивать меня ногами.

– Лера-а, – шептал родное имя до тех пор, пока мог. Кажется, между вторым и третьим десятком ударов я отрубился.

Часть первая Начало конца

1

Чьи-то руки. Меня перевернули, свет ударил в глаза даже сквозь закрытые веки – разомкнуть их не было сил. Потом и он пропал.

Лоб вдруг стал влажным – почему? Пошел дождь?

Что со мной вообще произошло?

Не мог вспомнить. Да это и не важно – лучше оставаться в забытии, потому что как только становилось чуть получше, я начинал думать, и тело сразу пронзала боль. Казалось, что во мне сломано абсолютно все. Удивительно, что вообще жив.

А вот жив ли? Это еще нужно доказать.

Внезапно до меня донеслась фраза. До боли знакомый голос, который стал для меня родным, а потом... Но с ним что-то произошло. Он...

«Успокойся! Еще не время!»

Что не время? Где не время? Для чего? Я ничего не мог понять!

Но голос лишь продолжал: «Всему свое время, Макс. Всему свое время. Ты обязательно...»

Дальше – неразборчиво. Я опять выпадал из реальности, погружаясь в бесконечную черноту, мерзкую и холодную, словно грязь. Я барахтался в ней, тщетно стараясь не утонуть, но ничего не получалось. Чернота попадала внутрь, забивала гортань. Чувствовал ее и в легких – так, что трудно было вздохнуть, практически невозможно, как если бы на грудь опустили могильную плиту.

«Аня!» – узнал я голос и рванулся за ним, собрав последние силы. И, наконец, увидел ее. Жена стояла на улице. Той самой, где ее разорвали собаки... Черт, она же мертва!

«Она мертвая! Она...»

Эта мысль дошла до меня с опозданием, так, словно она транслировалась сначала через спутник, а потом возвращалась обратно в голову.

– Аня-я! – позвал я жену.

Она не обернулась, только сказала: «Ты должен уйти!»

– Уйти? Почему, Ань? Почему? Я хочу быть здесь, с тобой. Хочу, чтобы мы снова были вместе! – Я попробовал приблизиться к ней, но ноги вязли в снегу, словно это был свежий асфальт, который еще не успел застыть. – Помоги мне, Аня-я!

«Я не могу... Мне жаль!» – ответила она, так и не повернувшись.

– Почему? Посмотри на меня... Я уже начал тебя забывать. Кажется, начал, да-а. Я ведь сначала, по дурусти, сжег все твои фотографии. До единой. Мне было невыносимо смотреть на них. Та-ак больно. И невыносимо думать, что тебя не стало. Что мы с Лерочкой остались одни.

«Я понимаю», – тихо сказала она. На ее развевающиеся на легком ветру волосы падал снег, но не таял – она уже не могла выделять тепло.

– Ань, пожалуйста! Я должен тебя увидеть, чтобы... чтобы не забыть твое лицо! – я сделал шаг, но понял, что не смогу пройти эти жалкие метры до нее. Ноги подкосились, и я рухнул коленями в снег.

«Я не могу, – прошептала она. Ее слова долетали до меня, словно из другой вселенной. – Но я хочу, чтобы ты знал...»

– Что? Что знал?

«Хочу, чтобы ты знал: однажды ты еще увидишь меня, но не сейчас... У тебя еще есть дела там!»

«Там» – это где? О каком месте речь? Мы же в нашем родном городе. На этой улице мы с Анечкой, кстати, и встретились впервые. Я увидел ее в компании друзей-студентов. Она мне тогда сразу понравилась – черненькая такая девочка, с озорной улыбкой и смешными кудряшками.

Именно там я и влюбился в нее.

Там же она и умерла...

– Пожалуйста-а! – простонал я.

«Мы увидимся позже, обязательно, а пока мне нужно, чтобы ты запомнил...»

– Что запомнить?

И она вдруг стала произносить отдельные фразы. Рубленые, но при этом мелодичные. До меня не сразу дошло, что это стихотворные строчки:

«Дракон приходит в час ночной,
Когда весь мир уже чужой,
Он входит в душу, словно в храм,
Ты не заметил – он уж там...»

– «Дракон»? – не понял я, но силуэт жены уже растаял. Превратился в облачко снежинок, которое ветер разметал по улице. – Что это значит? Что-о?

Голос Ани звучал где-то вдалеке. Я не мог понять, что она говорит, пока до меня не дошла одна фраза. Точнее – вопрос:

– Живой хоть, а? – спросил голос, который уже не мог принадлежать Анечке.

Я открыл глаза...

2

Передо мной маячил силуэт. Точно – не Аня.

«Где она? Где моя жена?» – хотел спросить я у темной, сгорбленной фигуры, но получился лишь хрип. Кажется, вместе со звуком выпало что-то еще. Показалось, что вообще червь. Длинный, холодный и мерзкий. Но мог и ошибаться, потому что своему сознанию я сейчас не доверял. Ни капельки.

Я ведь видел до этого жену, а она уже несколько недель как мертва. Такого просто не может быть в реальности. Наверное, сошел с ума. Тронулся.

– Аня-а... – простонал я.

Кажется, фигура меня услышала. Покачала головой. Я увидел длинные волосы, которые обрамляли вытянутый, иссохший череп. Свет проходил сквозь них, как лучи солнца между спутанными лианами в глубине джунглей.

Фигура прошептала:

– Бедненький...

А потом исчезла. В глаза снова ударил свет, я зажмурился. Сетчатку резало, словно ножом. Благо, фигура быстро вернулась, загородив болезненные лучи.

– На, попей. Тебе надо попить! – сказала незнакомка, приложив что-то холодное к губам.

Кружка?

– Пей-пей, родненький, – сказал голос.

Несмотря на то, что фигура внушала страх, сам голос был мягким и успокаивающим. Я его определенно где-то слышал, но не мог вспомнить, где именно.

Глотнул – вода прошла ледником по раскаленной пустыне. Захлебнулся, кажется, – большая часть пошла не в то горло, а потом меня вырвало.

Фигура торопливо перевернула меня на бок, поколотила по спине, выгоняя остатки блевотины. В это время я краем глаза увидел обувь. Огромные тапки, но на меху. Кажется, такие выпускали еще в советское время. У бабушки были такие же.

«Наверное, теплые, – подумал я. – Вот бы в них упасть, согреться...»

В тапки?! Точно – спятил!

– Да. Много не надо пить. Хватит. Как же тебе досталось, бедненький! – снова сказал голос.

Попытался сфокусировать зрение, но не получалось. Фигура растворялась. Ускользала. Она не могла соперничать в стабильности с кровавым маревом, которое царствовало в голове. Оно было всем, а я ничем.

А потом пришла боль...

3

Она была острой, но при этом не резкой. Бесконечной. Казалось, кто-то подключил мое тело к электрическому стулу, но забыл выключить рубильник, хотя я был уже мертв.

А существовал ли я в реальности?

Кажется, я кричал. Очень долго кричал. Но, возможно, это только показалось...

Фигура все это время была рядом. Может, это сама Смерть пришла за мной? Ждет, пока я окочурюсь? Но где же тогда коса?

Коса? Идиот! Это только в сказках она с косой приходит. А может, у нее вообще ничего не бывает с собой, никакого оружия. Или выглядит вообще не так, как обычно рисуют, и Смерть – это сиськастый эльф, как в фэнтези-эротике. Всегда посмеивался над теми, кто читает подобную литературу. Но фигура в любом случае не была похожа на эльфа...

Как только я начинал об этом думать, сразу же возникал новый разряд боли, и сознание тонуло. Мне уже было не до фигуры, не до эльфов с гномами, даже если они все были бы с огромными сиськами.

Только чернота вокруг.

Я барахтаюсь в ней, словно в грязевом вулкане на Тиздаре. Ездили мы туда как-то семьей. Мерзкая жижа, в которой все почему-то плавают с удовольствием. Но самое страшное – там нет дна. Это же вулкан! Но в то же время утонуть тоже нельзя – грязь держит тело на поверхности.

Здесь – похожее чувство.

А так хотелось утонуть...

Особенно когда я вспоминал Аню. Сначала мне казалось, что она рядом. На Тиздаре мы были вместе, держались за руки, но потом я оборачивался и видел, что рядом никого нет. Только тьма.

Я тону, захлебываюсь, кричу. И...

– Ну, вот... сейчас должно быть чуть полегче, – сказала фигура.

Она что-то держит в руках. Зрение упорно не хотело фокусироваться, поэтому не мог понять, что это за предмет.

– «Легче»? Что? – кажется, я все-таки произнес эти слова вслух.

– Обезболивающее. Шприц это, – пояснила фигура.

То есть Смерть мне что-то вколола, но зачем? Зачем она облегчала мою участь, если могла сейчас просто забрать меня, абсолютно беспомощного? Взяла бы с собой, на ту сторону, и все. Все бы закончилось!

– Аня... – простонал я, и фигура снова промолчала. Шумно сглотнула. Видимо, узнала прозвучавшее имя. Как и предыдущее, которое я не мог вспомнить.

Какое?

– Потерпи немножко, скоро станет легче. Я это взяла у соседки. Она была при смерти, помнишь ее? Баба Галя. Теперь ей без надобности. Давно уж померла, бедняжка. А я думаю, а чего добру пропадать? Вот и взяла, и продуктов еще немного. Тем более ключи она мне оставляла, когда я за ней ходила. Сказала, что могу быть как дома. Пока не преставилась, прости ее господе!

До меня наконец дошло, кто у моей кровати. Тетя Люда. Ну как тетя... Бабушка уж давно. У самой не осталось родни: дочка уехала на Север, где ее убил ревнивый мужик. Бывший зэк, просто зарезал молодую девчонку за отказ пойти с ним на местный дискач. Больше у бабули никого не было, поэтому и осталась она здесь, в Темногорске. Ей некуда было податься, и никому она была не нужна.

Узнал ее и заплакал – еще две недели назад мы остались в подъезде одни. Когда все разъехались, убежали за Периметр, всего две квартиры по вечерам едва заметно светились окнами. Обе на верхних этажах, а на нижних уже вовсю царствовала Снежная королева. Снег выпирал из незакрытых дверей, вываливаясь сугробами прямо в коридор. Отопления не было, обогривались как могли. Я не пожалел, что в свое время сложил камин. Прямо в квартире, благо пятый этаж позволял сделать дымоход, о котором до сих пор не знало и никогда не узнает БТИ.

Без камина мы бы не выжили. Не выжили бы вместе с...

– Лера! Где она? – спросил я, увидев лицо бабули. Она, услышав мой вопрос, отвернулась и тихо заплакала.

4

– На-а, выпей, – сказала она вместо ответа. – Тебе надо поправляться...

– Где Лера, черт тебя побери? Где она? – Я отшвырнул стакан.

Тот разбился где-то рядом – я почувствовал брызги на лице, но тут же мне стало не до них: боль пронзила тело. Адовая вспышка прошлась напильником поочередно по всем переломанным костям, а потом задержалась на всех разом.

– Ч-черт!

– Нет, не надо вставать... не сейчас. Ты слишком слаб. – Фигура засуетилась, укладывая меня на место.

Но я не мог лежать и все пытался подняться.

– Лера-а... – простонал я.

И вдруг вспомнил. Все вспомнил. Эта картинка пришла из ниоткуда и ранила меня сильнее, чем все те переломы, которые я заработал во время встречи со служителями культа.

Людьми Мрака. Это они забрали дочь!

– Нет ее! Я слышала, когда они приходили, забрали бедную девочку. Да за что же ей-то такое наказание? Совсем же еще ребенок, бедняжечка! Потом пришла сюда. Все боялась, что ты умрешь. Три дня. Тут. Три дня не отходила, пока ты не очнулся.

Боже, уже прошло три дня! Люди Мрака могли сделать с дочкой за это время все что угодно. Покалечить, убить или выкинуть на мороз, отпустить на растерзание зомби. Для последнего даже не надо было далеко ходить. Всего-то несколько сот метров – и вот она, граница, линия фронта! А за ней – тварей немерено.

– Лера-а! – Я пытался повернуться, но меня снова вырвало. Казалось, это выходят наружу кишки. Еще чуть-чуть – и изо рта выпрыгнет сердце. Да и зачем оно мне сейчас, если я и так потерял все?

Или?

Нет?

Нет!

Нет!!!

Не потерял. Не смей даже так думать, просто не смей! Еще не все, еще не...

– Я боялась высунуться. Нехристи творят, что хотят. Это все делишки этого... Мрака, – продолжала старушка, – а ведь еще недавно я ходила в его церковь, но потом, как узнала, что они там... что они делают... Господе Иисусе, прости мне мое богохульство! Ибо не ведаем мы, что творим...

Бабуля начала бормотать что-то нечленораздельное. Молиться, видимо. Я уже ничего не соображал, снова впад в беспмятство, но сквозь него услышал отчетливый звук – рев мутантов. И мне показалось, что на этот раз они были уже гораздо ближе.

Совсем рядом...

5

В тесной комнате было душно и накурено. Вокруг дубового стола стояли несколько человек, глядя на карты города, разложенные одна поверх другой. Водили пальцами по стрелкам, знакам, пунктирам, что-то напряженно вымеряли линейками и просто ладонями. Курили. Кашляли. Молчали.

В последнее время Добровольный Союз Оборона в лице подполковника в запасе Ямина, майора Глушко и нескольких гражданских, из администрации, собирались тут часто, почти каждый день, и засиживались до полуночи, обсуждая план дальнейших действий. Было над чем подумать и о чем поговорить.

– Саша, какая обстановка? – спросил самый старший из присутствующих, почти старик – подполковник Ямин.

– На Зареченской линия обороны сдвинулась на тридцать метров. На Пушкина – на сто, – начал сухо докладывать Александр Перов, доброволец, одним из первых вступивший в ДСО. Выглядел он молодо, почти по-юношески, хоть и был годков уж приличных, в которые обычно заводят второго ребенка и обнаруживают первые седые волосы. Сашка же был холост и в порочащих связях не замечен. – По улице Дзержинского дома пятый, седьмой и девятый уже оккупированы мутантами. Наши вчера ходили туда, говорят, какое-то там теперь гнездо у слепней. Едва ноги унесли оттуда.

– А библиотека? – спросил Ямин, водя по карте заскорузлым желтым ногтем.

– Библиотеку и рынок поглотило еще вчера, там козлобороды теперь. Удалось немного отбить парковку, но там аномалии родились.

– Козлобороды не опасны, – махнул рукой Ямин. – Так, ежи с усами, как у Чапаева, а не мутанты.

– У них иглы отравленные, – мягко возразил Санька. – И слюной ядовитой плюются.

– Темпы расширения растут, – изрек майор Глушко, лысоватый сутулый мужчина с огромной розовой бородавкой на носу.

– Растут, – вздохнул Ямин, вновь глядя на карту.

– За две недели – почти треть города, – осторожно добавил Александр, поглядывая на остальных. – Если расширение будет продолжаться такими же темпами, то к концу зимы мы...

– Погоди раньше времени паниковать, – раздраженно оборвал Ямин, сверкнув глазами. Мужик он был нормальный, справедливый, хоть и резкий. Всегда говорил по делу и поддерживал железную дисциплину у добровольцев. Пользовался большим авторитетом, и только благодаря ему город смог хоть как-то противостоять мутантам и мародерам, которые заполнили улицы.

– Так я и не паникую. Я...

– Вот и молодец, – вновь оборвал его Ямин. – У тебя по докладу все?

– Все, – опустив взгляд, ответил Саня.

– Хорошо. Так, а что там у нас по поиску живых? – спросил подполковник, глянув на стоящего в дальнем конце стола худого парня. – Клим, доложи!

– Обследование районов происходит постоянно. Основная проблема – это, конечно же, мародеры и бандиты. Все оружейные и охотничьи магазины разграблены. Много одиночек, но они – не проблема. Некоторые даже к Союзу примыкают после профилактической беседы.

Кто-то из присутствующих хихикнул.

– Ты там только не переусердствуй с беседой, с профилактической, – улыбнулся Ямин, понимая, что парень имеет в виду. У Клим – разряд по тхэквондо. И не только по нему, судя по всему. Одним ударом ноги разносит деревяшку-сотку в щепки. После такого несведущие люди обычно отправляются в глубокий нокаут. «Форматирование диска», – шутят парни из добровольцев.

Оставаясь все таким же серьезным, Клим кивнул.

– Ладно, продолжай, – махнул подполковник, вновь нахмурившись.

– Больше проблем, конечно, от банд. Некоторые объединяются, и тогда совсем труба. Позавчера, при очередном рейде, нарвались на отморожков. Дениса постреляли, Никиту ранили, Кайрату полголовы снесли.

– Жалко ребят, – тихо вздохнул Глушко.

– В северном квартале, в Доме культуры энергетиков, у них там целый штаб организован, – продолжил доклад Клим.

– Ну что за натура у людей такая, гадская? – не выдержал Ямин, стукнув по столу жилистым кулаком. – Тут бы объединиться всем вместе, дать противнику отпор, Зоне этой проклятущей, а они в стайки сбиваются, друг против друга грызню устраивают.

– Вадим Петрович, – обратился Клим к подполковнику. – Это ведь уголовники. За две недели до известных событий амнистию всеобщую объявили по области, вот они и выползли все. А тут такое произошло.

– Да, верно говоришь, – кивнул Ямин. – Отбросы! Клим, а гражданские – хоть кто-нибудь – есть?

– Есть, – кивнул парень. – Вчера два рейда делали до завода приборов, там обнаружили несколько человек, в основном из отдела технического контроля, из лаборатории. Привели их на базу, накормили, выделили места, привели в чувство. Они там, на этом заводе, две недели без тепла жили. Чуть не замерзли. Пытались выбраться, да неудачно, наткнулись на мутантов.

– Из лаборатории, говоришь? – нахмурился Ямин.

– Так точно.

– Ты вот что, Клим. Ребят этих, кто покрепче, к себе возьми, в бригаду.

– Вадим Петрович, да зачем они мне? – запротестовал парень. – Ботаники, хилые, в очках ходят. Их же при первом рейде постреляют. У меня парни свои есть, из секции, я с ними...

– Ты, Клим, не спорь, – по-отечески произнес Ямин. – Ботаники – тоже люди, причем умные, из науки. Ты возьми их в рейд, вот прямо на завтра запланируй... Ты же собирался в городскую библиотеку.

Клим кивнул и начал разглядывать ботинки.

– Задачу им такую поставь: пусть попробуют разобраться в причинах расширения Зоны. Ведь есть же какая-то в этом логика, ей-богу! Не просто же все так происходит! По чьим-то законам, дурным, непонятным, но – законам. Нам, ребятам военным, это все – высокие материи, а лаборанты ребята умные, из науки. Пусть поищут, авось что-то накопают. Заодно и в библиотеку загляните, нужных книжек им прихватите. Там, говорят, целый этаж был по Зоне: и доклады, и исследования, и прочие бумажные потуги. Пусть возьмут что надо.

– Да это же не их профиль, Петрович, – включился в беседу Глушко. – Ну, не тем они на заводе приборов занимаются. Я же туда раньше, до известных событий, с проверкой ходил

по пожарной безопасности, помню. Там – качество, детали, допуски, припуски, все дела. А тут – Зона. Ну, не вяжется же!

– Макарыч, а у нас других ученых нет, сам знаешь – их первыми вывезли при выборочной эвакуации. А нас оставили. Вот и крутимся, как можем. Так что – выбора нет. Не умеют – научим, не хотят – вон Клим им разъяснительную беседу проведет.

– Ну да, – устало кивнул Глушко.

– Давайте, ребята, действуйте, – хлопнул в ладоши Ямин и глянул на часы. – Мать честная! Да уже час ночи! Засиделись мы с вами. Отдыхать тоже надо. В общем, подводя итоги. Задачи всем ясны на завтра?

Присутствующие нестройно что-то промычали.

– Вот и хорошо. Первостепенно – это, конечно, Клим, твоя тема. Воевать с бандитами мы можем вечно, а вот разобраться в ситуации надо.

– Петрович, про поддержку с Большой земли ничего не слышно? – спросил Глушко.

– Нет, Макарыч, не слышно – третий день в радиозэфире только помехи. Сдается мне, оставили нас тут одних.

– Тогда, может...

– Нет, – резко оборвал Ямин, нахмурившись. – Бросать город не будем.

– Да и не получится, ек-макарек, – тихо добавил Моисей Тополь, парень из связистов.

– Что? – повернулся к нему Глушко.

– Говорю, что не получится из города выйти.

– Это почему же?

– Наши ребята ходили к трассе, которая из города ведет. Там установили какие-то вышки и непонятные конструкции, ек-макарек, на антенны похожие, с толстыми такими кабелями. От вышек этих метрах в тридцати таблички: «Опасно! Высокое напряжение!» Дворняга какая-то ходила там, так ее, не доходя двадцати метров до антенны этой, молнией шарахнуло так, что и мокрого места не осталось. Даже не испепелило, а испарило, ек-макарек. Оградили нас, ребята, весь город оградили. Чтобы мы – не дай бог! – какую заразу в большой свет не занесли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.